

ПРИСУТСТВИЕ ДРУГОГО В РАССКАЗЕ Э.М. ФОРСТЕРА “ДОКТОР ШЕРСТИХЛОП”

Несмотря на то, что расцвет творческой деятельности английского писателя Э.М. Форстера (1879-1970) приходится преимущественно на первую половину XX века, его имя все еще остается недостаточно известным широкому кругу читателей. И это при всем, что в своей прозе он поднимает вопросы, которые являются актуальными не только для XX, но и для XXI веков. Одним из таких вопросов является вопрос о “Другом”. Следует отметить, что замороженность XX века идеей “Другого” проявилась во всех областях культуры. Эпоха глобализма усилила значение идеи другости, инаковости для понимания особенностей развития современного общества. Как верно отмечает Ю.М. Лотман, в 1990-е гг. “иное окрасило ... всю семиосферу в свой цвет и успело застыть и стать объектом усиленного теоретизирования на метакультурном уровне” [1, 260]. Именно поэтому произведения Э.М. Форстера требуют нового прочтения.

В данной статье предпринята попытка выявить и рассмотреть статус и роль “Другого” на примере одного из рассказов Э.М. Форстера – “Доктор Шерстихлоп” (“Dr. Woolacott”). Написанный в 1927 году, он входит в сборник рассказов “В жизни грядущей” (“The Life to Come”), который был издан посмертно в 1972 году. “В жизни грядущей” можно назвать потаенной, интимной прозой Э.М. Форстера, в какой-то степени прозой автобиографичной. Сборник получил высокую оценку в критике. Так, Т. Лоуренс особенно отмечал рассказ “Доктор Шерстихлоп”: “это самая сильная вещь, которую я когда-либо читал” [2, 15].

Главный герой рассказа – молодой человек, хозяин поместья по имени Клесант. Клесант болен таким “функциональным расстройством”.

Главный герой (а впрочем, главный ли он?) поставил перед собой цель прожить долгие годы; он одержим этим желанием. Ради этого ему следует избегать всяческих волнений; ему “нельзя утомляться”; он “не должен близко сходитья с людьми”. И вообще “он никогда не сможет ни путешествовать, ни жениться, ни управлять поместьем...” [3, 247]. Чтобы быть всегда молодым Клесант выбирает жизнь без “Другого”. И тут Э.М. Форстер задается вопросом: “А возможна ли полноценная жизнь без “Другого?”” Что станет с человеком, оставшимся в одиночестве, без “Другого”? Для ответа на него он вводит в повествование фигуры “Другого”. Прежде чем выделить их (а их несколько), дадим определение “Другого” по Ж. Делёзу: “Другой” – “... это структура перцептивного поля, без которой само поле не может функционировать...” [4, 403]. Более того, “наполняющий мир возможностями, задними планами, окраинами и переходами, предписывающий возможность ... мира – ... это и есть другой” [4, 406-407]. Следовательно, по Ж. Делёзу, “Другой” – выражение возможного мира.

Описав “Другого”, обозначим его фигуры в анализируемом произведении Э.М. Форстера, используя терминологию Ж. Делёза. В рассказе две фигуры Другого: “конкретный” Другой и “априорный” Другой. Сразу сделаем оговорку, что один Другой не исключает другого Другого, ибо “априорный” Другой обеспечивает существование возможного мира вообще, несет в себе саму возможность этого мира как таковую, а “конкретный” Другой “обозначает реальные элементы”, именно он актуализирует структуру возможного мира. Представляется очевидным, что возможное может стать реальным, когда оно выражено, актуализировано.

Итак, “конкретный” Другой это всегда кто-то, он является кем-то. В “Докторе Шерстихлопе” “конкретным” Другим является гость Клесанта. Отметим, что для Э.М. Форстера неважно имя гостя; оно не называется.,

Важна лишь сама по себе фигура Другого, сам факт его присутствия, “навязчивого присутствия”. До его появления у Клесанта существовал свой мир, мир несколько пространственно ограниченный, но вполне надежный и стабильный: “не было ровным счетом ничего, что помешало бы ему прожить долгие годы. ... Это ли не благо?” [3, 247]. Но вот появляется “конкретный” Другой и актуализирует возможность иного мира, мира для Клесанта незнакомого и пугающего. “Конкретный” Другой вносит диссонанс в жизнь героя; он скептически относится к размеренности и “стабильности” жизни Клесанта: “Что за жизнь после двадцати пяти? Импотенция, слепота, паралич. А что за жизнь после двадцати пяти, если ты не в добром здравии? Плач, хромота, нытье, склянки с лекарствами, гноящиеся раны...” [3, 255]. И далее он же вопрошает: “Жизнь для чего?” [3, 255].

Что же происходит с “Я” Клесанта в присутствии “конкретного” Другого? Самость сопротивляется вторжению Другого, борется с ним: “у Клесанта возникло ощущение невероятной катастрофы” [3, 256], но в то же время тянется к нему: “легкие облачка, подгоняемые западным ветром, двигались словно вопреки судьбе и приглашали его следовать за ними” [3, 249]. Момент “невероятной катастрофы” – это трансцендирование “Я” Клесанта: он и так “далеко вышел за границы дозволенного” [3, 256].

Фигура “конкретного” Другого, как уже было отмечено выше, актуализирует элементы возможного мира, который предоставляет “априорный” Другой. Так какой же мир предоставляет “априорный” Другой? Это мир, в котором Клесант может быть и стать “самим собой”. Клесант представляется героем маргинальным, героем уже выпавшем из своего мира, ибо желание иного мира ведет к контакту с “конкретным” Другим, посредством Другого и реализуется это желание. Вот что об этом пишет Ж. Делёз: “Во всех отношениях, мое желание проходит через

другого, и через другого оно обретает свой объект. Я не могу желать ничего, что нельзя увидеть, помыслить и чем не обладает возможный другой. Это — основа моего желания. Всегда именно другой связывает мое желание с объектом” [4, 401]. Но он не становится и полноценным участником возможного мира, куда манит Другой: “одно только повторение имени доктора привело его в равновесие” [3, 254].

Итак, “Я” Клессанта подверглось трансцендированию. Изменились ли фигуры “конкретного” и “априорного” Других с того момента? Вполне очевидно, что по своей сути “предметный” Другой измениться не может, так как он призван актуализировать элементы возможного мира, предоставляемым “априорным” Другим. Так как “Я” Клессанта вышло за свои пределы, изменило границы своего поля, то и изменилась фигура “априорного” Другого (именно его фигура, а не он сам как структура возможного). Эти изменения Э.М. Форстер описывает следующим образом: “болезнь (а ведь именно его “хочу-быть-самим-собой-болезнь” и породило желание Другого — Д.П.) начала припадать к земле, булькать и хрипеть. Были звуки борьбы, приступы рвоты, падение. Клессант, не сильно испугавшись, сидел на постели и всматривался в хаос” [3, 259]. “Не сильно испугавшись” — еще один аргумент в пользу того, что “Я” трансцендировалось, вышло из закрытого пространства, навстречу новому, неизвестному?

Клессанту предоставляется возможность другого мира: “ты будешь жить — жить, чтобы стариться”. Этот другой мир “априорного” Другого представляет собой мир с совершенно иными ценностями, где любовь является одной из важнейших: “Ах, это слово — любовь. Из-за него меня и преследуют, они знают, что я еще в доме; любовь — это слово, с которым они не могут примириться” [3, 260]. Кто же такие “Они”? “Они” — это другие. “Конечно, я не такой, как все, я нездоров, для меня неестественно быть

здоровым, я не показатель, но вот другие...”. “Кто это – другие?” [3, 254-255]. Этот вопрос остается без ответа: “... В этот момент имена благополучно исцеленных доктором Шерстихлопом вылетели у Клесанта из головы. Они всегда прочно сидели в его памяти, а тут вдруг, стоило им понадобится, сразу исчезли” [3, 255].

Они – другие из другого мира без Другого. Счастливы ли Они? Э.М. Форстер показывает призрачность их существования, убеждает читателей, что мир без Другого – мир без любви: “Я не знаю даже, что есть реальность – как же мне знать, что есть любовь? Знаю только, что она – волнение, а вот этого-то я как раз и боюсь. Не люби меня, кто бы ты ни был; ведь, в конце концов, это моя жизнь ...” [3, 260]. А тогда для чего она? Как бы спохватившись, что он упустит иной, неизведанный, но манящий его мир, Клесант пытается в конце концов продлить его существование, ухватиться за Другого, но “он сражен ударом туда, где сосредоточена жизнь”. И “долгожданный” доктор Шерстихлоп, “прибывший слишком поздно (или вовремя? – Д.П.), нашел его мертвым на полу”.

Почему так и не удалось Клесанту достичь того другого мира? Несмотря на свои колебания, Клесант, с одной стороны, до конца не принял Другого (а принять Другого, значит, говоря словами Э. Левинаса, принять на себя ответственность за него), но, с другой стороны, он уже перестал целиком принадлежать, как уже упоминалось выше, своему прежнему миру, миру без Другого. Тем не менее, Клесант остался свободным в своем выборе, ибо, перефразируя Э.М. Форстера, – принять или отказаться “можно где угодно”.

Итак, в глубоко философской притче Э.М. Форстера “Доктор Шерстихлоп” (данное произведение, безусловно, выходит за рамки рассказа, т.е. “трансцендируется”) Э.М. Форстер показал недостижимость человеческого счастья в замкнутом мире без Другого, присутствие

которого реализует элементы возможного и, наоборот, “друго-убийство” уничтожает категорию возможного как таковую. Это происходит в том случае, когда личность ставит непреодолимый барьер самостью своего “Я” и инаковостью Другого: “на всяком пути неизменно стоял барьер, неизменно его собственная натура” [3, 260]. И кто же тогда будет вопрошать: “Жизнь для чего?”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследование. Заметки. – СПб.: Искусство, 2000. – 704с.
2. Forster E.M. The Life to Come and other stories. L.: Penguin Books, 1975.
3. Форстер Э.М. Доктор Шерстихлоп // Форстер Э.М. Морис: Роман. Рассказы / Перевод с англ. А. Куприна; Предисловие А. Куприна. – М.: Глагол, 2000. – 334с.
4. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М.: “Раритет”, Екатеринбург: “Деловая книга, 1998. – 480с.